

Пусть культура служит миру

Вагиантите на столичные афиши, прислушайтесь к разговорам в метро, на бульварах, у стен Московского университета или в Большом театре. Словно все широты и долоты общин подумали смыться со своих мест и устремились в Москву!. Вы услышите речь на многих языках мира, увидите людей разных национальностей. Советская столица принимает ученых из Нью-Йорка и Рима, музыкантов из Рио-де-Жанейро и Праги, журналистов из Банга и Белграда, поэтов и живописцев, студентов и туристов, прибывших из различных государств. И, в свою очередь, почти ежедневно с нашими вокзалами и аэропортами отправляются за рубеж советские люди. Они несут с собой достижения социалистической культуры, науки, искусства. Вместе с тем они слут и учиться, ибо мы с глубоким уважением относимся к культурному наследству других народов, уважаем и центры традиции и культуру стран Байрона и Шекспира, Стендэла и Гюго, Драйзера и Марка Твена. Советский народ использует все передовое и прогрессивное, чем по праву может гордиться мировой культура.

Советские люди горячо одобряют внешнюю политику своего правительства, которое упорно и последовательно борется за дальнейшую разрывку международного напряжения, делает все, чтобы в отношениях между странами торжествовал дух переговоров и соглашений. Наша Родина, также как Китай, страны народной демократии, идет на встречу всем, кто желает делового сотрудничества, обмена культурными ценностями, независимо от различия социальных систем.

Глубокая связь, с древних времен существовавшая между художниками, способствовала духовному взаимообогащению народов. Подобно тому, как радиоволны соединяют страны, так литература искусства сближает народы. И когда лондонцы приветствуют плавный хоровой девиз из ансамбля «Бересика», когда скрипка Давида Ойстраха покоряет сердца жителей Западной Германии, а московские исполнители аплодируют артистам «Фокленд Франсез» или бразильских народных песен в исполнении Стеллингов Элг, можно ли сомневаться, что все это создает плодотворную почву для доброго взаимопонимания и уважения?

Сообщество последнего времени говорит о благотворном влиянии «духа Женевы». Международная непогода, столь долго омрачившая небо над миром, после Женевского совещания все более проясняется. И разве не знамение времени тот факт, что госдепартамент США заявляет требованием американских культурных, научных и других организаций, выражают желания установить контакт с такими же организациями Советского Союза? Разве не знамение времени—растущий во всем мире обмен культурными делегациями, театральными фильмами, книгами, свидетелями чего мы являемся?

Культурное общение рассеивает туман предубеждений. Восемь веков существует замечательная Пекинская опера. Восемь веков не покидала она Пекин. И вот недавно перед парижскими Стадионами Стад и не только перед ними,—посмотреть китайских актеров приехали на берега Сены люди со всей Европы! Выступили китайские артисты, это был триумф. Журнал «Фам Франсез» восхитил: «Иорданский, восхитительный и благородный Париж восторженно принял Пекинскую оперу. Неблагодарные народы Китая за прием его первых посланцев. Порадуемся тому, что Франция была первой страной, принявшей их у себя...». Театральный критик газеты «Франс-сюр-Сен» признал: «Мне легко приходится наблюдать в театральном зале овации, подобные тем, которыми встретила в театре Сары Бернар восторженная публика китайских актеров после этого незабываемого представления. Это спектакль, который надо видеть». «Когда занавес опускался, — указывал французский критик Арагон: «Париж признал Китайскую Народную Республику».

Известно, что есть еще люди, мечтающие «закрыть» Китай — одну из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Выход Пекинской оперы на европейские подиумы, выставки китайского изобразительного искусства в Лельчински Караджи — лишь некоторые примеры того, что все новые и новые страны знакомятся с творчеством талантливого народа, с тем, что является его национальной гордостью. И в самом Китае побывали уже сотни

тысячных зрителей из всех стран мира. Их интересы в основном обменяться культурными ценностями, а не политическими. Их интересы в основном обменяться культурными ценностями, а не политическими.

Сейчас Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных делах, все весомое ее вклад в мировую торговлю. Расти культурные связи Китая с другими народами, права его искусства преодолевают любые пристрастия.

Однажды, в естественных условиях будет видеться Китайский туризм в подиумах Акрополя или Англии, воздающих дань искусству Галины Улановой, увидеть болгар в Лувре и венгров в бушующей Индии.

Пусть же волшебство муз, все, что ведет к созданию и ныне создается человеческим талантом и гением, сближает народы! Пусть культура служит миру!

Впереди Китай — одна из колыбельей человеческой культуры. Они против того, чтобы великий Китай занял свое законное место в ООН. Но правда побеждает. Все уверенный голос Китайской Народной Республики в международных дел

Больше бумаги! От лесосеки до фабрики

5. «Маяк надежды»

На берегу Камы, в восьми километрах выше Камского целлюлозно-бумажного комбината, стоит бревенчатая изба, принадлежащая Ивану Дмитриевичу Пономареву. Ее шутливо называют «Маяк надежды». Хозяин избы, так же как и его жена Александра Ивановна, получают жалованье от целлюлозно-бумажного комбината не напрасно: с оноклем в руках, сменяя друг друга, сидят они у окошка или на завалинке, ведя наблюдение за рекой. И как только появится из ее излучин на караван дре-весины, сразу же передают по телефону наружную весть.

В последнее время бумажники косо поглядывают на Ивана Дмитриевича и его супругу: мало, слишком мало известий передается из пономаревской избы. Пришло даже отправить специальное судно в дальний поиск — вплоть до верхнего бьефа плотины Камской ГЭС. Поскольку разведка не сообщила ничего о утешительном, были командированы агенты еще дальше, на сплавные районы Камского водохранилища.

В первых своих корреспонденциях мы рассказали о пути срубленной ели — от ее пня до верхнего бьефа плотины Камской ГЭС. Но вот дрессина прошла уже шлюз. Из пономаревской избы телефонируют о приближении каравана. На рейде комбината все приходит в движение. Навстречу плоту снаряжаются быстроходный катер с рейдовым лоцманом и агентом «Камлесоплава» на борту. Вслед за ним трогается, гуженная якорями, тросами и другим тяжелым самодельным баржа с бригадой «хвачников».

Наконец, лоцман и его спутники — уже на палубе бусирного парохода «Углич». Но вот дрессина прошла уже шлюз.

Из пономаревской избы телефонируют о приближении каравана. На рейде комбината все приходит в движение. Навстречу плоту снаряжаются быстроходный катер с рейдовым лоцманом и агентом «Камлесоплава» на борту. Вслед за ним трогается, гуженная якорями, тросами и другим тяжелым самодельным баржа с бригадой «хвачников».

Пока спускают в воду тяжелый чугунный пот, пока пароход, приняв бусирный трос, «накатывает» плот к пристани, пока ловкие «хвачники» хватают тросы и прикрепляют ими плот, на палубе «Углича» развертываются события, которым стоят заинтересоваться. Начинается составление «акта разбуксировки», в процессе которого обнаруживаются поразительные вещи.

По документам «Углич» доставил так называемый «фотоб» из дров (постоянно испытывая недостаток в балансировке) и, кроме того, которая предназначена для бумаги. Бумажники, мол, все съедят! Конечно, можно произвести целлюлозу из строительного леса и телеграфных столбов, но ведь это же все идет в ущерб государству, не говоря уже о том, что бумагники приходится переплачивать огромные суммы.

В прошлом году Камский комбинат понес на подобных замахах 4 миллиона рублей убытков. В нынешнем году убытки по этой статье достигнут, по подсчетам комбината, более 8 миллионов рублей.

Дело, конечно, не только в том, что в результате подобной недобросовестности одна государственная организация получает прибыль, а другая терпит убытки. Настороживает другое: лесосплавные организации пытаются (и не безуспешно!) замаскировать свое расстоятельство, бесхозяйственность вот такими «коммерческими» операциями.

А бесхозяйственность иной раз чудовищна. В прошлом году на рейд Камского комбината прибыло два плота листовой древесины. Бумажники, естественно, отказались ее принять. Плоты стояли несколько месяцев на рейде, пока не затонули.

Славинщики спокойно отнеслись к этому, и, пожалуй, все кончили так и канули в воду, если бы не последующие события. Затонувшие плоты занесло песком, образовался затор, и река стала менять русло. Создалась угроза судоходства. В навигацию 1955 года для продвижения караванов в этих местах приходилось снаряжать дополнительные бусирные пароходы. И вот только сейчас начали поговаривать о привлечении славинщиков к ответственности...

Я видел, как директор крупнейшего целлюлозно-бумажного предприятия нашей страны просматривал часами на берегу Камы, в лесном отделе комбината, дожидалась известий о движении плотов. К концу августа комбинат получил лишь немногим более половины его годовой потребности в древесине. А навигация близится к концу!

Гигантское предприятие, от нормальной деятельности которого зависят работы многих наших издательств, переживает трудные дни во внике лесозаготовителей и славинщиков.

Неукоснительно это не тревожит Министерство лесной промышленности СССР?

И. АРАЛИЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
Краснокамский район,
Молотовская область

Третий фестиваль кинофильмов Польской Народной Республики

Скоро советские зрители познакомятся с новыми польскими художественными фильмами «Поколение» и «Карьеры». Они будут демонстрироваться в кинотеатрах Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и Вильнюса во время третьего фестиваля кинофильмов Польской Народной Республики, который открывается 3 октября. Помимо этих картины и фильма «Час надежды», польская

кинематография будет представлена на фестивале произведениями прежних лет: художественными фильмами «Дороги жизни», «Под фригийской звездой», «Птицы с узами Барской», «Юность Шопена» и документальным фильмом «Варшава».

На фестиваль, который продлится по 9 октября, приезжает группа работников польской кинематографии.

Доброго пути!

Беспребывание

Своих посетителей Иван Никодимич знал хорошо. Поглядывая сквозь усы, сидя за окношком «корреспонденции до востребования», он часто видел, с каким интересением многие здесь же распечатывали полученные письма.

Хоннула дверь, вошла незнакомая молодая женщина в хорошем драпировке пальто, отороченном рижим мехом. Она вытерла с лица капли дождя, подолна к оконечку и молча протянула Ивану Никодимичу паспорт. Из-под белого платка на него смотрели внимательные серые глаза.

— Гавриловой письма нет, — отвечал он и поставил ящичек на место.

Женщина вышла. На черном зеркальном стекле остались мокрые полосы от рукава. Иван Никодимич сердито вытер полосы кусочком промокательной бумаги и посмотрел в окно.

За туманным рифм стеклом бачились под ноги бывшим ветром: черные ветки голой лиши. Снег с дождем.

На следующий день Гаврилова пришла опять. И письма ей не было.

Дни шли. Иван Никодимич уже позволял шею шерстяной кашне. Кашне выплыпало из-под форменного с петлицами воротника, подиравши подбородок, придавала его маленькой седой голове нечто гордое и решительное.

Гаврилова заходила по нескольку раз на неделю. Она пребывала уже не паспортом, а новеньком удостоверением, на которой обложке которого было выписано наименование «Литейно-механический завод». Писем ей постреме не было. Женщина смотрела на худые дрожащие руки, укладывавшие письма назад в ящичек, и, постояв еще с минуту, молча уходила.

Приближался новый год. Ящички были до отказа набиты письмами, телеграммами, открытками с видами высотных московских зданий. Тридцать первого декабря служащие отделения буквально сидели с ног. Перед зеркальчиком, где выдавались корреспонденции до востребования, стояла очередь. Иван Никодимич никак не мог рассмотреть круглые часы на противоположной стенной. Высокий гражданин в летней шинели над пылающими от мороза ушами получил два письма, не спеша положил их в паспорт. Когда он отошел, Иван Никодимич на мгновение забыл циферблат и с удовольствием подумал: через полчаса будет дома, наденет связанный женой фуфайку и усядется к столу, от которого на всю комнату будет пахнуть сладкими прогулками...

В окночке появился коричневый рука, оторвенный рифм скользкой шкуркой. Нальцы с розовыми ноготками положили удостоверение, отодвинувшись и мягко легли на черное зеркальное стекло.

Старик знал — письмо и не это раз не пришло.

Поправил шарф, потянулся к ящичку с булавкой «Г» и чуть нагнулся над толстой пачкой. Потом посмотрел на часы и вместо обычного «нет» сказал почему-то: «Вам еще не пришло». Он перевел взгляд на Гаврилову. Она, как ему показалось, была чем-то возбуждена: на лице ее не было обычного разумения, глаза блестели. Бросив удостоверение в сумочку, Гаврилова громко засмеялась.

Подошла к дому. Иван Никодимич вспомнил, что не купил заказанный женой кагор, но обратно не пошел, а тщательно счистил снег с кружевным скрученным стеклом.

Прошло две недели. Зима вошла в пыльную склон. Северо-восточный ветер продувал улицы, занес пылью снежинки подъездов. Принеся на службу, Иван Никодимич переворвал дыхание, вешал пальто подальше от двери, подходил к батарее и похопывал ладонями по горячей широкой трубе. Иван Никодимич растирая пальцы, прикладывал их к лицу и уши потом усаживался за стол и разбирал письма. Их было много. Вот опять письмо тихому, рассеянному профессору Петрову. Аккуратно, раз в неделе, приходило ему письмо из Краснодара. Конверт был наложен юношески неустойчивым, почти детским почерком. Профессор всегда прочитывал письмо тут же и только после этого прощался и уходил.

Сегодня два письма Галкиной — русоволосой девушке из строительного объединения. Она, наверно, обрадуется и забудет в окночке варежку или тетрадку по математике.

Иван Никодимич раскладывает письма по ящичкам и вдруг, отодвинувшись, рассматривает плотный кон-

верт. Письмо Гавриловой.

Варваре Семеновне Гавриловой. Обратный адрес надписан твердым некрутым почерком: «Красноярский край, поселок Таежный. А. Григорьев». Старик вспоминает бледную узкую кисть в широком рукаве, крупные серые глаза Варвары Семеновны.

Он сердито смотрит на обратный адрес: «Эх ты, Григорьев!..». Кстати, как его зовут? Что такое «А»? Альександров? Андрей? Алексей? Может быть, Антон?

Иван Никодимич ставит письмо первым в ящичек.

Он отирает стул, надевает черные сатиновые нарукавники. Хлопает входную дверь, выпускает первых посетителей. Старик пытается представить, какой голос у Гавриловой. Наверное, низкий, добрый.

К вечеру ящички пустеют. Остается несколько писем. Белест в пустом отделении конверт на имя Гавриловой. Шагая по скрипучему снегу, Иван Никодимич думает о сегодняшнем дне... Профессор Петров чесом был оторчен и ушел, не попрощавшись... Гаврилова сегодня не пришла... И вдруг он вспоминает, что она не заходила вчера, и позавчера, и на прошлой неделе. Давно не заходила. Кажется, с того вечера перед новым годом. Она была тогда такая оживленная и быстро ушла...

Постепенно эти мысли перебиваются другими. Он думает о том, что вот сейчас придет домой и в дверях его встретят трехлетний внук «Ванька-станька», по-татарски зовущийся конфетами...

Иван Никодимич наденет мягкую фуфайку и сядет читать «Правду». Последнее время он редко ходит в гости и позже засыпает по ночам: болят голова, ломят ноги — стал стареть: в марте будет шестьдесят восемь...

Наутро, разбирая свежую корреспонденцию, он находит еще два письма на имя Гавриловой. Через день снова два, потом еще и еще. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глянцевых конвертов.

В ящичке лежало семь писем, а Гаврилова все не приходила. Иван Никодимич давно уже не сердился на неизвестного Григорьева. Теперь его беспокоило отсутствие Варвары Семеновны. Его волнение усиливается, когда однажды он из окна видит знакомое коричневое пальто, отдаленное рижими пурпурками. Варвара Семеновна Гаврилова не белела, никуна не уезжала, — она просто перестала ждать. Не будь у окначка двух нервничавших мужчин, поглядывающих на часы, старик бы с беспокойством поглядывая на пачку одинаковых глян

ЧЖОУ ЦИН,
китайский писатель
**ПИСЬМО
БЕЗ АДРЕСА**

На седьмой строительный участок почтальон привнес необычное письмо. Весь конверт чернела краткая иероглифическая надпись: «На самую передовую линию строительства железной дороги».

В конторе не решались вскрыть такое письмо и переслали его начальнику строительного участка.

— А кто же самая передовая на строительстве? — спросил товарищ И., вертя в руках конверт. Подумав немного, он воскликнул: — Правильно! Это, возможно, мы и есть!

Он распечатал письмо, и с первых же строк его лицо расплылось в улыбке. Закончив читать, начальник наложил взмахами кисточки набросал на конверт несколько слов и вставил свиного.

— Быстро! На девятый участок!

Начальник девятого участка Ван Мин-ций долго тщательно рассматривал конверт. Потом, вынув письмо, прочитал его и, улыбаясь, сказал:

— Нет, нас нельзя считать самыми передовыми. Письмо надо послать в пятую бригаду.

Однако из пятой бригады оно было отослано в двенадцатый отряд, а оттуда — в седьмую ударную смешу, потом — в геодезический отряд.

«На самую передовую линию строительства железной дороги!» — громко прочитал напись на конверте начальник группы геодезистов Ли Чэн и почему-то посмотрел конверт на свет. Затем вынул листок, аккуратно исписанный мелкими иероглифами, и начал читать:

«Дорогие товарищи, возможно, что вы будете удивлены, но я не мог спрятать чучество, переполняющее меня. Адрес «На самую передовую линию строительства», конечно, прибавит забот почтальону и многочисленным товарищам, но я уверен, что письмо дойдет до цели.

Я служу на границе. Родина моя — небольшая горная деревушка — в прошлом была захолустным местом. И вот недавно, приехав в отпуск, я увидел разительные перемены. Два года назад, чтобы добираться домой, я должен был, сойдя с поезда, ехать на машине больше трехсот ли, а потом восемьдесят ли шагать пешком. А на этот раз на станции обняли, что пасажиры, следующие на север, могут сделать пересадку на новый поезд. Среди называемых станций я устышил свою собственную деревню. Я был так взволнован и счастлив...

Мы проносились широкие поля, мирные деревни и села. Когда поезд пересекал реку, можно было видеть дамбы, построенные по ее берегам. Болосились хлеба, зеленые отороды и сады. И думал: как прекрасна моя родина! За два года такие перемены!

В позапрошлом году на дорогу к дому мне понадобилось четверо суток, а в этом году — всего несколько часов.

И жизнь в деревне переменилась. Крытые члененые дома, то здесь, то там новые надстройки: «Дом культуры», «Клуб», «Библиотека». На платформах и в вагонах — сельскохозяйственные продукты и изделия крестьян-кустарей: плоды подсобного промысла.

Из города грузят товары, удобрения, новые сельскохозяйственные орудия. Теперь люди нашего села могут читать, столовичную газету на следующий день после ее выхода. Стали частными гостями кинопередвижки.

Дорогие товарищи! Вы сокращаете путь родины к социализму, сокращаете расстояние между народами. Вам и тысячам людей, которые трудятся на самой передовой линии строительства, я илюю свою искреннюю благодарность. С воззванным придет. Пограничник Ли Бао.

Гогда Ли Чэн закончил чтение письма, в плащике стало тихо. Только снаружи, хлямая брезентовым пологом, завывал ветер.

— Сознаюсь, — сказал, притирая очки, геодезист Ли Чэн-ций, — я никогда не думал, что наша работа имеет такой огромный смысл.

Все были взволнованы неожиданно приведшим письмом. Ли Чэн сказал: «Мы обязательно должны ответить на него. — Ли Чэн-ций и Сю Тинь горячо его поддержали.

— Мне кажется, что нужно написать так, — продолжал Ли Чэн: — Мы неспременно достроим законченные строительство железной дороги! Нет, надо сказать так: тысячи гор и десятки тысяч рек не останутся нас, поезда придут в самые захолустные уголки страны, мы пройдем через пустыни, через степи...

Написав ответ, геодезист выплыл из плащика. Была уже глубокая ночь. Еще недавно в такие夜里 вокруг них брезентового домика царила тишина. Но сегодня и в ночи звучали голоса людей, доносились гул варнов. Далеко-далеко виднелася цепочка ярких спотов света. Слышилась стук паровых молотов, забивающих сваи.

— Послушайте, — сказал Ли Чэн, — ведь это седьмая ударная смена работает. Она наступает нам на пятки. Нужно удвоить свои усилия.

ПЕКИН. 29 сентября. (По телеграфу)

Всюду новая жизнь...

С. КОЖЕВНИКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

Мы, иностранные корреспонденты, видим в Китае столько поразительно нового, ежедневно узнаем столько свежего и необычного, что шага не делаем без записной книжки.

Надо сказать, что уже сами по себе записные книжки в том виде, в каком мы покупаем их, не лишены интереса. Взглянем только на корочки. Каждая из них неизменно украшена иероглифами, имеющими глубокий смысл. Одни из них призывают: «Любить родину, народ, труд, оберегать общественную собственность», другие высказывают пожелания: «Быть здоровыми и веселыми», третьи советуют: «Хорошо учиться, хорошо работать».

Она распечатала письмо, и с первых же строк его лицо расплылось в улыбке. Закончив читать, начальник наложил на конверт кисточки набросал на конверт несколько слов и вставил свиного.

— Быстро! На девятый участок!

Начальник девятого участка Ван Мин-ций долго тщательно рассматривал конверт. Потом, вынув письмо, прочитал его и, улыбаясь, сказал:

— Нет, нас нельзя считать самыми передовыми. Письмо надо послать в пятую бригаду.

Однако из пятой бригады оно было отослано в двенадцатый отряд, а оттуда — в седьмую ударную смешу, потом — в геодезический отряд.

«На самую передовую линию строительства железной дороги!» — громко прочитал в красках знаменные ворота «Тянь-аньминь», с трибуны которых 1 октября 1949 года Мао Цзэ-дун провозгласил создание Китайской Народной Республики. Уже шестой год перед этим «Воротам необъятного спокойствия» (так переведется их название) проходят праздничные демонстрации народа. В прошлом году 1 октября я записал в своей книжке: «Никогда не забудь этой демонстрации, стол яркой красы, в которых краски, изобретательной по оформлению и столь многолюдия. Люди шли с горящими глазами, аплодировали во весь силу голоса. Бога я сказал об этом одному поклоннику, он ответил: «Разве может быть иначе: ведь мы, пекинцы, пришли на площадь Тянь-аньминь сердца 600 миллионов человек, и каждое из них полно радости мужества, полно прекрасных настроек. Мы отмечали пять первых счастливых лет пятидесятичной истории нашего народа».

Я перелистываю последующие записи. Начнем с цифр. Китай выполняет свою первую пятилетку. Всикий, кто жил в атмосфере первых лет социалистической индустриализации Советского Союза, помнит, каким пафосом была охвачена тогда вся страна, с какой жаждостью набрасывались мы на сплохи, публиковавшиеся «Правдой».

В такой же атмосфере живет сейчас народный Китай. Никогда не бывало в истории подобной любви к цифрам, какую мы наблюдаем сейчас. Мы их слышим в докладах, видим в газетах, из называемых в личных дружеских беседах.

Промсматривая записные книжки, испещренные цифрами, я вновь переживаю нашу советскую индустриальную пору. Я вижу Магнитку, здесь она называется Аньшань.

За два года изменилось все: в Аньшане забилось сердце рождающейся индустрии Китая: взмылили четыре автомоторизованные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в созданию двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.

Я побывал во многих районах Китая и всюду ощущал упругое, стальное плачо Аньшана — опору строящихся заводов, железных дорог, шахт, рудников.

Но одного Аньшана, конечно, недостаточно. И китайские товарищи уже ведут подготовительные работы в создании двух новых металлургических баз.

Китайские газеты и журналы часто пишут о разведках подземных богатств страны. В этом особенно наглядно виден, как было в первую пятилетку, единственный порыв всего народа. Вместе с геологами вышли на поиски подземных богатств Китая: взмылили четыре автомобилизированные доменные печи, восьмиколосковые батареи, обогревательная плавильная фабрика, завод крупного проката, трубопрокатный завод, второй завод тонкого проката.</